

Борис РЫЖИЙ

В этом году Борису Рыжему, русскому поэту, ставшему одним из символов эпохи «смутного» времени 1990-х, исполнилось бы 50 лет. С момента его смерти прошло более двух десятилетий, но интерес к лирике поэта у читателя только нарастает, а критики признали его последним творцом эпохи. Стихи Бориса Рыжего описывали глубокие волнения и страхи народа во время развала Советского Союза

Борис Рыжий был творчески признан при жизни, часто печатался. Стихи Рыжего переводились на английский, немецкий, итальянский языки. Голландская музыкальная группа сочинила музыку к двум стихотворениям поэта. В Екатеринбурге режиссером из Нидерландов был снят документальный фильм о его жизни и судьбе. А юбилейной осенью состоится премьера российского художественного фильма «Рыжий».

ОСЫПАЮТСЯ АЛЫЕ КЛЁНЫ

* * *

Мальчишкой в серой кепочке остаться,
самим собой, короче говоря.
Меж правдою и вымыслом слоняться
по облетевшим листьям сентября.

Скамейку выбирая, по аллеям
шататься, ту, которой навсегда
мы прошлое и будущее склеим.
Уйдем – вернемся именно сюда.

Как я любил унылые картины,
посмертные осенние штрихи,
где в синих лужах ягоды рябины
и с середины пишутся стихи.

Поскольку их начало отзвучало,
на память не оставив ничего.
Как дождик по карнизу отстучало,
а может, просто не было его.

Но мальчик был, хотя бы для порядку,
что проводил ладонью по лицу,
молчал, стихи записывал в тетрадку,
в которых строчки двигались к концу.

* * *

Я усну и вновь тебя увижу
девочкою в клетчатом пальто.
Не стесняясь, подойду поближе
поблагодарить тебя за то,

что когда на целом белом свете
та зима была белым-бела,
той зимой, когда мы были дети,
ты не умирала, а жила,

и потом, когда тебя не стало, –
не всегда, но в самом ярком сне –
ты не стала облаком, а стала
сниться мне, ты сталаниться мне.

* * *

Ничего не надо, даже счастья
быть любимым, не
надо даже тёплого участия,
яблони в окне.
Ни печали женской, ни печали,
горечи, стыда.
Рожей – в грязь, и чтоб не поднимали

больше никогда.
Не вели бухого до кровати.
Вот моя строка:
без меня отчаливайте, хватит –
небо, облака!
Жалуйтесь, читайте и жалеите,
греясь у огня,
вслух читайте, смейтесь, слёзы лейте.
Только без меня.
Ничего действительно не надо,
что ни назови:
ни чужого яблоневого сада,
ни чужой любви,
что тебя поддерживает нежно,
уронить боясь.
Лучше страшно, лучше безнадежно,
лучше рылом в грязь.

* * *

Осыпаются алые клёны,
полыхают вдали небеса,
солнцем розовым залиты склоны –
это я открываю глаза.

Где и с кем, и когда это было,
только это не я сочинил:
ты меня никогда не любила,
это я тебя очень любил.

Парк осенний стоит одиноко,
и к разлуке и к смерти готов.
Это что-то задолго до Блока,
это мог сочинить Огарёв.

Это в той допотопной манере,
когда люди сгорали дотла.
Что написано, по крайней мере
в первых строчках, припомни без зла.

Не гляди на меня виновато,
я сейчас докурю и усну –
полусгнившую изгородь ада
по-мальчишески перемахну.

* * *

Мне не хватает нежности в стихах,
а я хочу, чтоб получалась нежность –
как неизбежность или как небрежность.
И я тебя целую впопыхах.

О муза бестолковая моя!
Ты, отворачиваясь, прячешь слезы.
А я реву от этой жалкой прозы,
лица не пряча, сердца не тая.

Пацанка, я к щеке твоей прилип.
Как старики, как ангелы, как дети,
мы будем жить одни на целом свете.
Ты всхлипываешь, я рифмую «всхлип».

* * *

Когда в подъездах закрывают двери
и светофоры смотрят в небеса,
я перед сном гуляю в этом сквере,
с завидной регулярностью, по мере
возможности, по полтора часа.

Семь лет подряд хожу в одном и том же
пальто, почти не ведая стыда, –
не просто подвернувшийся прохожий
писатель, не прозаик, а хороший
поэт, и это важно, господа.

В одних и тех же брюках и ботинках,
один и тот же выдыхая дым.
Как портаки на западных пластинках,
я изучил все корни на тропинках.
Сквер будет назван именем моим.

Пускай тогда, когда затылком стукну
по днищу гроба, в подземелье рухну,
заплаканные свердловчане пусть
нарядят механическую куклу
в мое шмотье, придав движеньям грусть.

И пусть себе по скверу шкандыбают,
пусть курит «Приму» или «Беломор».
Но раз в полгода куклу убирают,
и с Лузиным Серегой запивает
толковый опустившийся актер.

Такие удивительные мысли
ко мне приходят с некоторых пор.
А право, было б шороху в отчизне,
когда б подобны почести – при жизни...
Хотя, возможно, это перебор.